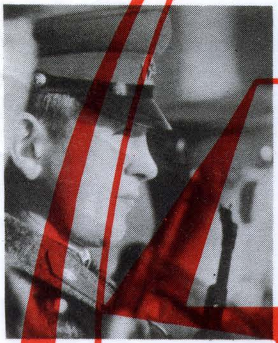
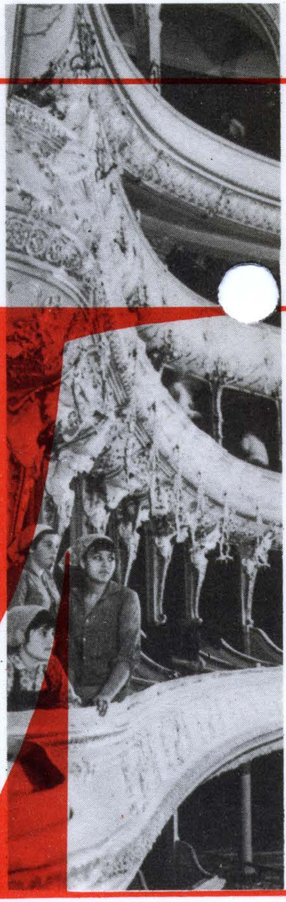

1 кругозор 68

Горное азербайджанское село Чардахлы проводило в армию своих призывников. Чардахлы — село воинов. В годы Великой Отечественной войны отсюда ушло на фронт свыше 1 200 человек. Чардахлинцы по праву гордятся своими односельчанами — Маршалами Советского Союза И. Х. Баграмяном и А. Х. Бабаджаняном.

Маршал СССР Н. А. Крылов: «Ракетные войска стратегического назначения являют собой одно из самых ярких проявлений творческой силы нашей социалистической науки, могущества нашей индустрии, умения и самоотверженности наших рабочих, блестящих проявлений конструкторской и технологической мысли наших инженеров и техников, сумевших в кратчайшие сроки разработать и запустить в серийное производство сложнейшие ракеты».

Реставраторы и строители Одесского театра оперы и балета передали традиционный «золотой ключ» актерам. На фронтоне высечено: «1967»— год второго рождения театра.

Мстислав Ростропович:

«Невозможно определить границы, начертать план будущего в искусстве и в музыке особенно. Но, несомненно, это будет новый расцвет музыкальной культуры страны. И, несомненно, опять на переднем крае окажется отряд композиторов. Среди них — Борис Чайковский, Кара Караев, Родион Щедрин, Борис Тищенко, Арво Пярт (с его недавно завершенным блестящим произведением для виолончели с оркестром, словно сопоставляющим два стиля — «старый», классический, и новый, — я собираюсь в ближайшее время познакомить слушателей)».

Конкурсные будни

Международный конкурс пианистов имени Сметаны в Градце Кралове (Чехословакия). Победители: Владимир Денисенко — первая премия (Украина); Марина Хватия — вторая премия (Грузия); Фархад Бадалбейли — третья премия (Азербайджан).

Международный конкурс музыкантов-исполнителей имени Шуберта в Вене. Победители-пианисты: Алексей Наседкин — первая премия; Олег Майзенберг — вторая премия; Юрий Колайно — третья премия. Победа была отпразднована участием в дополнительном соревновании-конкурсе на лучшее исполнение музыки композиторов XX столетия. Наседкин получил первую и единственную премию.

Виноделы Бельцкого коньячного завода заложили на длительное хранение 10 тысяч декалитров коньячных спиртов. На бочках технологическая маркировка: «Открыть в 2017 году».

Вера Инбер:

«...Световой луч будет касаться лунной поверхности и, вернувшись на Землю, расскажет нам о лунных секретах, о высоте лунных гор и глубине ее кратеров. Не кажется ли нам, писателям, что такой световой луч — это как бы продолжение во Вселенной карандаша или ручки, которой мы пишем?..»

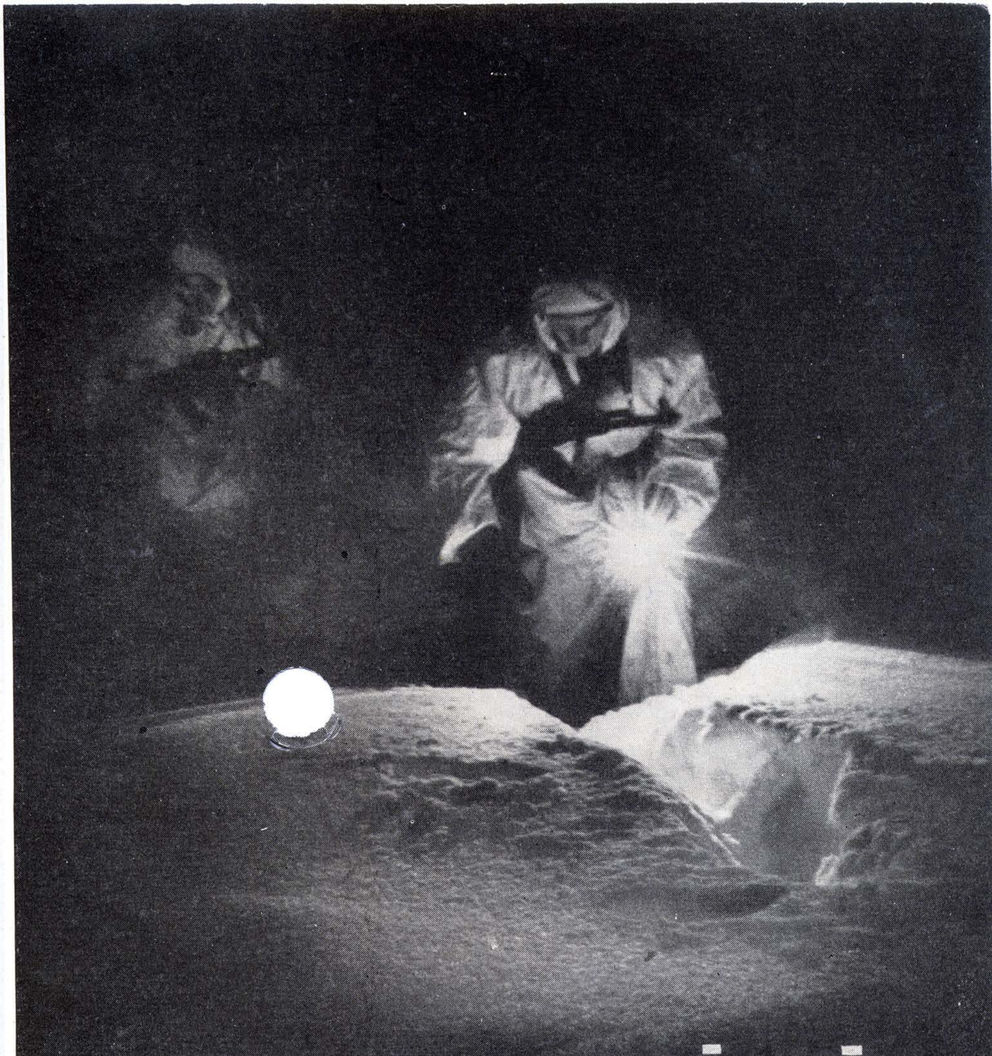
Под Серпуховом закончено сооружение крупнейшего в мире ускорителя протонов на 70 миллиардов электрон-вольт.

Академик А. П. Александров, директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова: «Сейчас входят в строй крупнейший ускоритель в Серпухове, ускоритель электронов в Армении, фазотрон в Гатчине, система на встречных пучках в Новосибирске... Советское государство выделило для сооружения этих установок крупные средства, а промышленность оказалась на столь высоком уровне, что выполнила поставленные перед ней задачи...»

Седьмое ноября 1967 года, 10 часов утра. В тот миг, когда со Спасской башни слетал первый удар курантов, корреспонденты журнала, разделенные тысячами километров, одновременно включили свои магнитофоны в трех точках границы...

Слушайте первую звуковую страницу.

Фото В. Смирнова.

если север-крайний, если восток-дальний

Г. И. ЗАБОЛОТНЫЙ,
генерал-майор

Узкая полоска земли, или речка, или горная тропка. Столбы с красно-зелеными полосами. Герб Союза Советских Социалистических Республик. Перейди эту полосу — и ты станешь иностранным гостем либо непрошеным чужеземцем. Полоса, делящая землю на свою и чужую,— граница.

Для нас рубежи социалистического Отечества священны. И неприкосновенны! Ибо эти рубежи — древние границы земель наших предков, нашего народа. Шестьдесят тысяч километров.

Нигде так не важно постоянное осознание своего патриотического долга, как здесь, на границе. Если страна наша работает, и празднует, и отдыхает, то граница не знает праздников. Граница знает службу.

А служба нелегкая. И дело не только в суровости климата или трудностях далеких широт. Граница требует от каждого часового ежеминутного ощущения долга перед Родиной, самообладания, личного мужества.

Граница имеет много внешних атрибутов романтики. Но разве они привлекают молодых людей, несущих вахту на рубежах? Разве только поэтому хотят они стать последователями Андрея Коробицина, Никиты Карацупы или Алексея Лопатина?

Конечно, нет. Гордость за свою пограничную службу исходит из высокой осознанности того, что, охраняя участок родной страны, они охраняют ее всю. Родина доверяет пограничникам самое святое — свою землю, и на доверие они отвечают беззаветностью.

Не так давно большая группа пограничников награждена боевыми орденами и медалями.

У пограничников одна задача: не допустить нарушения, предотвратить провокацию. Таков наказ Родины. Она дает им и самое современное оружие — электронные приборы, первоклассные корабли и вертолеты.

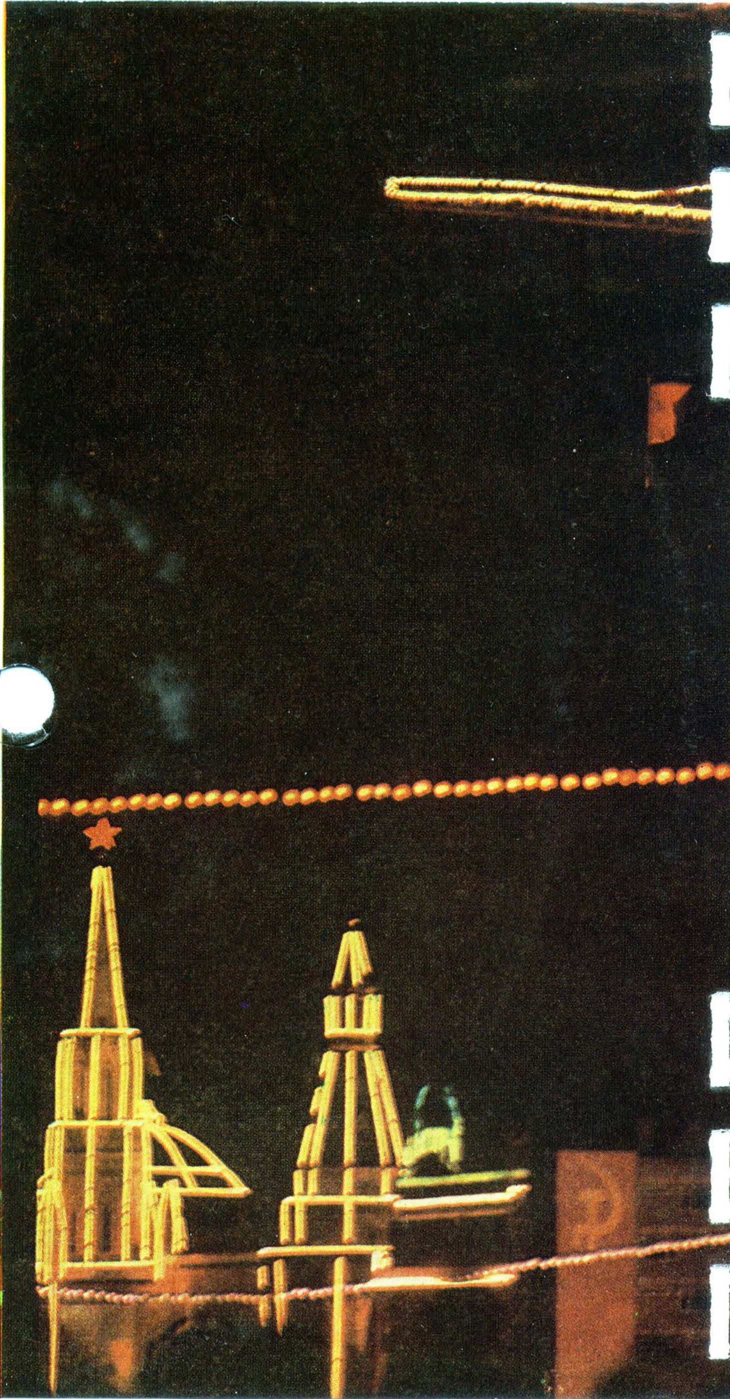
Советские пограничники готовятся к праздникам — полувековому юбилею Советской Армии и пятидесятилетию пограничных войск. Их главный подарок — готовность в любую минуту дать решительный отпор, если враг попробует нарушить границу. Их вахта — в двух частях света, на трех океанах.

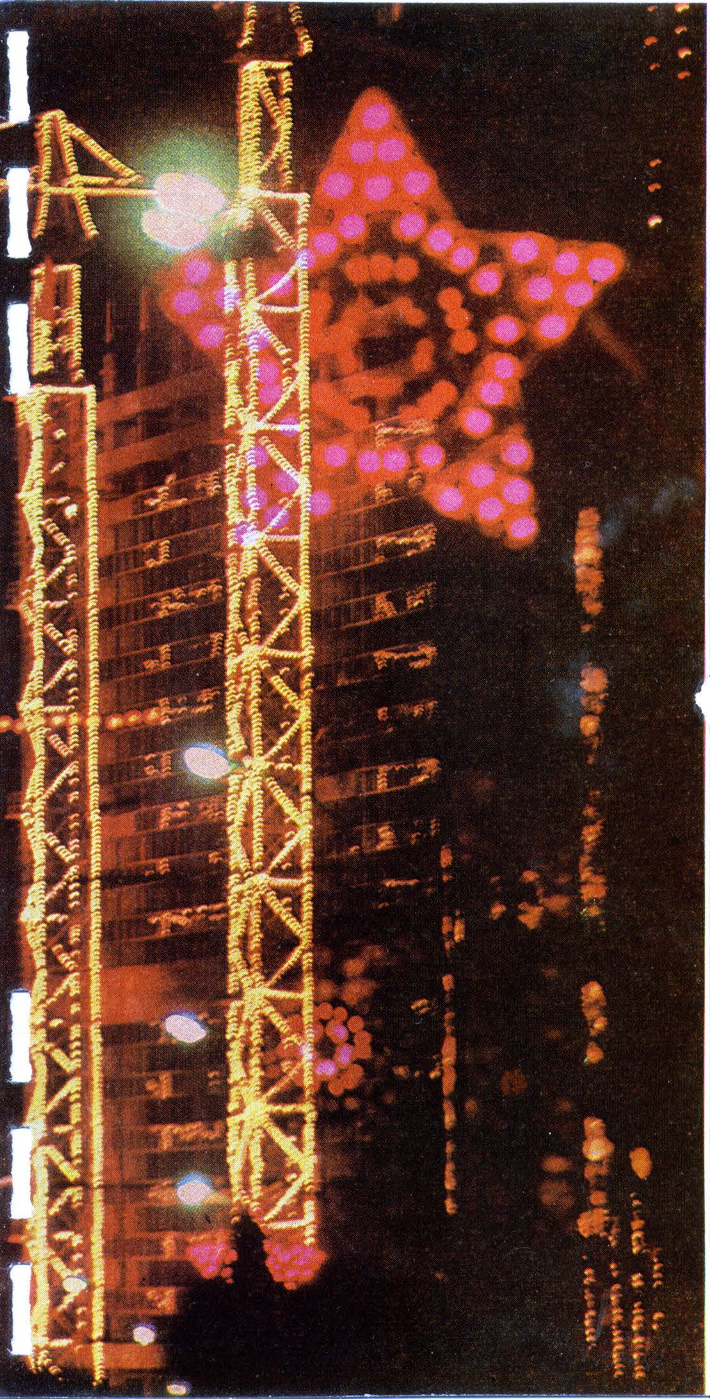
...НА БРОНЕКАТЕРЕ ПО СЕРЕДИНЕ АМУРА

Оперативный дежурный собирает по рации и телефонам метеоданные. Скоро пойдет шуга, и Амур станет. Трудно в это поверить — так розова и тиха река. Но уже уровень воды упал, мели поднялись. Малые сторожевые суда вытащены на берег форштевнем в сторону границы. Носовые пулеметы зачехлены, сухо блестят подводные крылья. Остались нести вахту на Амуре мощные бронекатера, которые силой своих двигателей могут сойти с любой мели, могут, если придется, пробиться сквозь любые льды.

...Ночью меня будят. Бегу на пирс. Приглушенные голоса, сдержанный рокот моторов. Над островом с передовой заставы взлетела и тихо падает к черной воде осветительная ракета...

В. ВОЗЧИКОВ

...НА СКАЛАХ ПОЛУОСТРОВА РЫБАЧИЙ

Отсюда берет начало сухопутная граница СССР. Дальний пост — двухэтажная постройка. Валуны, привозной тес, а сверху — стеклянный фонарь: наблюдательный пункт. Просветленная оптика стереотруб сторожит море. Недруга можно ждать только отсюда. За домом с печкой, радиоантенной — страна, ее восток, запад, юг. Севернее — двенадцать миль территориальных вод и — ничейный океан.

Александр Гришин, начальник заставы, проверял усиленные дозоры. Забросили Гришина в эти края не превратности судьбы (выбирал сам). Окончил пограничное училище — значит, жить в больших городах не придется. Так почему же не начать с самого трудного?

На посту все в порядке. Гришин выстроил ребят, поздравил с праздником. Одного из них, Геннадия Летто, — с награждением значком «Отличный пограничник». Пили чай, горячий, крепко заваренный.

Начальник доволен. Пурга утихла, ветер не повалил столбов телефонной связи (их здесь не вкапывают, обкладывают камнем), дела на заставе идут хорошо (завоевали вымпел округа), к празднику жена напекла пирогов на всех.

Возвращались мы поздней ночью. Дорога — по мокрым скалам. Кое-где корявые вехи северной березы отмечали путь. Иногда дорогу провешивал тугой металлический леер. Шли и думали о койке, о мерцающей от движка лампочке, о пирогах, о треске огня. Но отдохнуть не пришлось...

В. ТАМАРИН

...В ПАТРУЛЬНОМ ВЕРТОЛЕТЕ НАД ПУСТЫНЕЙ

В авиационном пограничном отряде двигатели не вырабатывают строгую норму часов, отпущенную им конструкторами. Самая распространенная болезнь у машин в Кара-Кумах, так же как и у людей, — перегрев. Вертолеты и крылатый транспорт иногда выполняют «вьючные» функции: забрасывают продукты и людей на дальние памирские посты, вывозят больных. Но в боевой истории части есть и такие строки: «...задержанный в зарослях реки Мургаб нарушитель показал: «Мое движение было сковано действиями пограничной авиации».

Леонид Федорович Котов, заместитель командира отряда, рассказывал мне: «...С момента тревоги прошло уже более суток. Ждем. Ничего. Как сквозь землю провалился. Оказывается, нарушитель засел в тростнике у Мургаба. А тростник там в три метра. Сидел около двадцати часов. И все же с вертолета его заметили. Зависли. Уйти ему некуда: кругом пески. Вышел».

...Утром, когда мы услышали по радио далекое «ура-а-а» на Красной площади, над теплым праздничным пограничным городом, над стрижеными головами пионеров пролетел и покачал крыльями самолет, идущий будничным курсом к границе между песком и бледным небом, на сухом ветру своих воздушных дорог.

Н. НЕЙЧ

Фото Л. Лазарева.

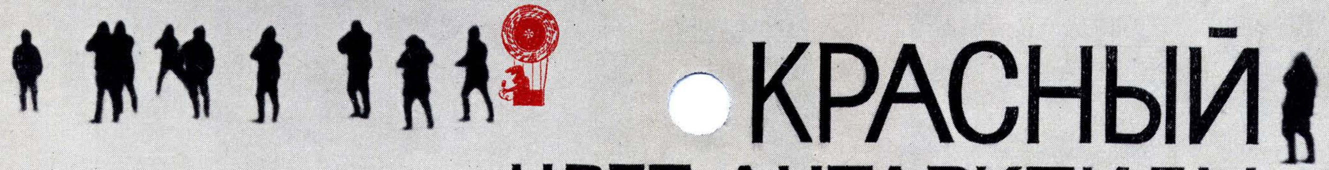
Белый снег, белый клык, белые айсберги, белые сны — весь он белый, этот континент. Пространство одного цвета. Изобилие, от которого начинаешь страдать. Слишком много льда и снега, света в полярный день, пурги.

...С директором обсерватории Владиславом Гербовичем я вылез на крышу тягача. Сейчас он впередсмотрящий в походе по ледяному куполу. Интересная странность: внизу — сильнейший ветер, еле стоишь на ногах, не видно даже пальцев вытянутой руки. Но мы поднялись выше этого белого ада, и все как обрезало: синее небо, ни одного облачка, спокойное ослепительное солнце.

Белый и синий — два цвета Антарктиды, собственность, которой она владеет тысячелетиями. Все остальное привнесли сюда люди.

В Антарктиде любят красный цвет — цвет радости, гордости, опасности. Опасность в двух шагах буквально. Через метеоплощадку в Мирном прошла трещина. Вместе с метеорологом Юрием Зусманом я лавирую между будками с приборами и грозными красными флажками, обозначающими зону трещины.

Красный прожектор горит на домике радистов, как маяк. После тепла и ужина на камбузе открываешь дверь — и тебя сразу обнимает ветер, валит на четвереньки. Хватаешься за леер, как за соломину, и ползешь на красный свет.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ АНТАРКТИДЫ

Красный самолет быстрее увидят люди в санно-тракторных походах: они ждут свежих продуктов, запасных частей, писем.

Красный флаг на полюсе холода выдержал температуру минус 88,3°!

А вот зеленого цвета совсем нет. Только огромная фанерная елка, оставшаяся от Нового года, — она очень оживляет ресторан «Пингвин». По зеленому в Антарктиде тоскуют — вспоминают о траве, полях, рощах. Его ждут... Ведь снова будут дом, родные, нормальная жизнь. Но уже не будет белой, притягательной Антарктиды.

Г. КОПОСОВ

Фото автора.

Мирный—Москва

Как сложили песню

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Давайте немного пофантазируем.

...Что это за нежная мелодия дрожит в прозрачном воздухе? И грусть в ней какая-то, и широта полей, и тонкие движения души, которые так трудно бывает уловить музыканту и запечатлеть этот живой, еще трепещущий блик на нотных страницах. И какие бы преграды ни ставили этой скромной, поначалу никому не известной мелодии, все равно вырвется она в мир и широкой рекой разольется по людским сердцам, тоскующим без живительной влаги настоящей музыки.

И мелодию уж не поймаешь! Уплыла! Улетела!

Вот она, в ожидании предстоящей славы, наспех записанная на клочке нотной бумаги, в реактивном самолете, неудобно зажатая между блоком сигарет и семейством деревянных матрешек. А вот она уже выпорхнула из незатейливой тростниковой дудочки пастуха, и Казбек с Шат-горою согласно кивают в такт седыми снежными головами. А вот мальчик, сидя на высоком стуле за старым пианино, горько рыдает над ненавистным сборником «Маленький виртуоз». Со всех сторон обступили его острые секиры бемолей и ядовитые змеи арпеджио. Но вдруг слабая улыбка появляется на измученном лице. Вспомнив что-то, мальчик робкими пальцами пытается подобрать нежную песенку, услышанную недавно по радио.

А мелодия, улетевшая во двор через открытое окно, уже вьется над одурманенными головами жильцов, забивающих «козла». И, покоренные таинственной силой искусства, они, прекратив лихой перестук, деликатно переставляют костяшки, уважительно согласуя свои движения с ритмом волшебной музыки.

Как вы догадываетесь, такая жизнь песни — вариант идеальный. Не будем витать в небесах. Не всегда так складывается судьба песни в ее странствиях по белу свету. Особенно если автор невезучий, а песня далеко не идеал, но имеет право на скромную жизнь.

Разыщите в журнале четвертую звуковую страницу и послушайте печальную историю под названием

Как сгубили песню

10

ШКОЛА БОРЬБЫ

И. МАЙОРОВ

В жизни часто бывает так, что человеку приносит известность не основное его занятие.

Джоан Баэз любит петь. Каждое ее выступление собирает тысячные аудитории, ее пластинки расходятся в миллионах экземпляров. Но сама Джоан считает, что это не главное в ее жизни. На первом месте — школа в маленьком городке Кармел-велли, в Калифорнии. Каждый год пятнадцать студентов со всех концов Соединенных Штатов приезжают, что-

бы пройти там одногодичный курс.

Чему же их учит Джоан Баэз?

Тактике «ненасильственных действий».

Она называет это «школой мира». Но борьбе за мир нельзя просто обучить. И собственная жизнь Джоан Баэз, нам кажется, входит в противоречие с ее теорией.

Каждый день, каждый час своей жизни она посвящает протесту против всего того, за что ненавидят и презирают Америку люди в разных концах планеты. Это она, Джоан Баэз, возглавляла демонстрацию против расовой дискриминации в штате Алабама. Это она в числе трехсот шестидесяти других известных американцев подписала заявление с отказом платить налоги в знак протеста против агрессии в Доминиканской республике и во Вьетнаме. И это она в октябре прошлого года была арестована в Окленде за участие в демонстрации против войны во Вьетнаме.

В условиях современной Америки, с ее огромным полицейским аппаратом, частями национальной гвардии, созданной для террора, Джоан Баэз, видимо, просто не нашла другого пути, кроме «ненасильственных действий». Она все еще надеется, что людей, которые убивают вьетнамских крестьян, в чем-то можно переубедить.

Но жизнь взяла на вооружение другое — песни Джоан. И когда она поет, в зале сидят молодые парни, которые потом громят армейские призывные пункты, избивают вербовщиков и пробиваются во время демонстраций к стенам Пентагона.

На концерты Джоан приходит больше людей, чем в ее школу.

ДОКТОР ИНАЛ-ИПА

Георгий
ГУЛИА

*Из устных рассказов
моих друзей.
Баграт Шинкуба.*

Шалве Инал-ипа присудили степень доктора исторических наук. Все абхазские газеты написали об этом. Дошла весть и до его родного села Адзюбжа.

В одно прекрасное утро к нему постучали. Шалва открывает дверь и видит... Кого же? Человек шесть незнакомых крестьян, одетых в черкески, и женщину с ребенком.

— Добро пожаловать! — говорит Шалва.

— Мир дому сему! — говорят гости.

Абхазский обычай прост: гостя не спрашивают, зачем он пришел, гостя сначала угощают. И гость не приступает к делу, не преломив хозяйского хлеба.

Жена Шалвы накрывает на стол. Словом, все идет по правилам абхазского гостеприимства.

Нельзя сказать, что хозяин сильно захмелел. И про гостей не скажешь того же. Все как будто бы в норме: дюжина пустых бутылок выстроилась под столом. Это, разумеется, не много. По нашим абхазским масштабам. И вот надумал Шалва в магазин сбегать, но гости его удержали.

— Мы, — сказал старший из них, — к твоей учености решили обратиться за помощью.

— К учености? — поразился Шалва. — Вы интересуетесь этнографией?

— Нет, — ответил гость почтительно, — у нас болен ребенок. И мы побеспокоили тебя как дохтура.

Понемногу Шалва начал смекать, в чем тут дело.

— Как видно, ошибка вышла...

— Никак нет. — И гость достал из кармана газету и протянул ее Шалве. — Скромность украшает человека, но мы-то все знаем...

Шалва снова начал что-то насчет своей этнографии, но, окончательно смекнув, что к чему, вышел в соседнюю комнату и позвонил доктору Георгию Эмхаа.

— Доктор, я жду тебя, — сказал он. — Мы уже выпили одну дюжину бутылок. А больной все еще болеет.

— Ладно, — сказал доктор, — доставай вторую дюжину, а я сейчас буду у тебя.

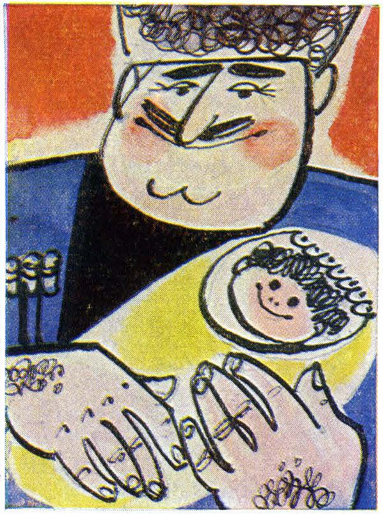
Сияющий Шалва вышел к гостям.

— Мы вылечим вашего ребенка, разрешите мне только на минутку удалиться. В аптеку. За дюжиной лекарств.

Гости не посмели удерживать хозяина...

Лечение закончилось только к вечеру.

Доктор исторических наук все же не ударил лицом в грязь.

Парень сказал, что пушку уже установили. Жаль. А хотелось бы посмотреть, как ее волокли, как вздымали на кубический утес постамента, как безмятежными, не ведающими боя глазами смотрела на нее лобнинская ребятня. Пушке было невдомек все это. Тогда. Она знала только свою громкую работу, умела, закинув в небо тонкую шею, огрызаться на клекот вражеских самолетов. Осенью 41-го пушка была рядовым зенитным орудием. Единственное, чему выучилась она, — наклонять ствол и бить по танкам, хоть была зениткой. Пушке было невдомек, что, обреченная на безмолвие, покрашенная, будто принаряженная, она влезет на каменный куб, по борту которого высечено: «Здесь был остановлен враг».

Парень, сообщивший, что пушка уже на пьедестале, трясся вместе с нами в пригородном автобусе. Осеннее Подмосковье обтекало машину серым нагромождением жалких облаков, дыбящейся по краям асфальта взмокшей землей. На по-осеннему нищенских деревцах трепетали чудом зацепившиеся листки — одинокие вымпелы осени. И от этой хмурой, непогожей тоски сосало под сердцем, будто снова швыряло меня в осень моей юности.

Парня такие воспоминания донимать не могли: он увидел землю уже невоенной. Парень был весел и возбужден, говорил без умолку. Ехал он с торжественного собрания в клубе имени Горбунова, где выступал вьетнамский солдат.

— Между прочим, тоже зенитчик, — сказал парень про солдата, — надо же, молодой совсем, и уже два ордена...

И он еще долго рассказывал подробности встречи в клубе, и о том, что он, парень, считает, что это страшно, когда бомбы над мирными домами, и что у него призывной год (эх, если бы только пустили, тогда бы уж он выполнил свой интернациональный долг). Я не отвечала. Я думала о том, что в наивной

слушай, парень...

Галина ШЕРГОВА

мальчишеской браваде скрыт воистину великий смысл высокого назначения нашей армии. Но эти мысли настойчиво возвращали меня с мировых просторов на тряское подмосковное шоссе, ведущее к Лобне.

Накануне нам рассказали о том, что там живет женщина — Евдокия Трофимовна Ивашенкова.

Те, кто смотрел фильм «У твоего порога», помнят, как такая же многодетная крестьянка, оказавшаяся у смертного рубежа войны, помогала солдатам воевать. Евдокия была прообразом героини фильма. С ней было так же. Она выжила, вырастила пятерых сыновей, встретила прошедшего всю войну мужа Алексея Ильича. Снаряды Евдокия подносила к той пушке, что сейчас высилась на пьедестале, стала памятником. Не вывела война, слава богу, на придорожном обелиске ее имя и имя сержанта Гайка Шадунца, командовавшего тем орудием. Он тоже выжил.

Евдокия и слов-то, конечно, таких не произносила: «интернациональный долг». Хотя семья ее уже выполнила такой долг: сын Володя воевал в Корее, когда в 51-м на Народно-Демократическую республику обрушился американский огонь.

Почему я не спросила имя и адрес этого парня из автобуса? Теперь, когда на магнитной пленке живет рассказ Евдокии, мне бы так хотелось дать его послушать моему спутнику. Может быть, он уже солдат и принял присягу. И я хочу, чтобы он знал, как принимали присягу в час — кто знает, может, уже смертный? — не солдаты, а женщины и дети. Принимали, не произнося ни слова. Но в этой присяге сердца — любовь к Родине, и к жизни, и ко всей земле со всеми ее жителями — все, все. Я их видела таких в ту военную осень... Я хочу, чтобы он знал.

Слушай, парень...

2

На снимке
Л. Лазарева:
Е. Т. Иващенкова.

Говоря об эпохах прогресса, мы произносим: «Это век того-то...» Предполагается, что тот или иной гений смог взять очередной рубеж непостижимого именно в данный момент. Время готовит плацдарм для прорыва. Но есть и обратное: необоримая человеческая мысль направляет движение самого века.

XX. Он был под высоким напряжением мысли людей, чьи голоса обращены к вам на звуковой странице. Предлагаем вам, участникам будущих бесед в «Кругозоре», звуковые автографы А. ЭЙНШТЕЙНА, Э. РЕЗЕРФОРДА, К. ЦИОЛКОВСКОГО, Ф. ЖОЛИО-КЮРИ, И. КУРЧАТОВА, Н. ВАВИЛОВА, С. КОРОЛЕВА, Л. ЛАНДАУ.

Этот номер «Кругозора» выходит в антракте между двумя бразильскими торжествами — Новым годом и карнавалом. Вот эти праздники, увиденные и описанные французским писателем П. Рондьером и нашим корреспондентом И. Фесуненко.

ПАРАДЫ И БУДНИ САМБЫ

По доминирующему цвету Новый год в Бразилии синий, ярко-синий. В этот момент там лето. Ночью чем ближе к морю, тем сильнее лунное сияние. К странной люминесценции примешивается свет тысяч воткнутых в песок свечек. Они посажены вдоль пляжей Рио руками бразильцев. Эти руки примерно одного цвета: в Бразилии нет белых, нет индейцев, нет негров, а есть люди более или менее белые, более или менее черные, более или менее смуглые. Руки отличаются только грубостью кожи — самой красноречивой аттестацией богатства или бедности.

На одних импровизированных алтарях, неподалеку от ямок со свечами, можно увидеть драгоценности, редкие духи, на других — горстку риса. Когда приблизится полночь, с башен раздастся бой, каждый бросит в море свои дары. Символический акт. Ностальгический жест, адресованный далеким краям, откуда пришли предки. Дары должны умилостивить море, чтобы оно было добрым, нежным. По морю плыли те, кто покидал родину добровольно, если были белыми, в оковах — если были черными. Грустная церемония в последнюю ночь старого года.

Наутро радость. Новый год. А он может начаться только под знаком карнавала. В Рио-де-Жанейро встречают короля карнавала. Толстый, добрый весельчак, восседающий на колеснице, обращается в толпе с новогодними пожеланиями. Он — предвестник того карнавала, который будет через два месяца и пройдет под знаком самбы. Это танец на две четверти. Два шага направо, два шага налево. Говорят, что первые поселенцы прорубались так через джунгли. И две четверти — ритм биения сердца.

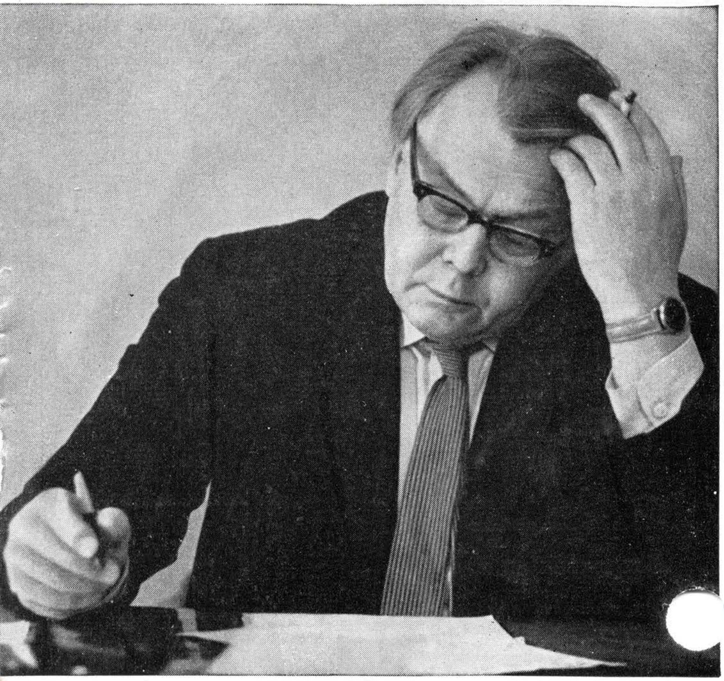
●

...И вот оркестры из нескольких сотен музыкантов сопровождают парад школ самбы — самодеятельных клубов, возникших еще десятки лет назад в бедняцких кварталах. Перед красочно иллюминированными трибунами проходят, танцуя самбу, простые жители, спустившиеся сюда, в центр Рио, с фавел. Прачки и грузчики, продавщицы и чистильщики сапог, уборщицы и безработные — тысячи «кариокас», как они себя называют, повергают в экстаз невозмутимых дипломатов и бизнесменов, прибывших на карнавал из-за океана. Невозможно остаться спокойным, глядя на полную огня и страсти самбу. Движения ног так стремительны, что трудно разобраться в замысловатых па.

С небоскребов сыплются листовки, взлетают ввысь ракеты. Гремят барабаны. Бушует самба! Здесь, на роскошных улицах Рио, хотя бы на четыре коротких карнавальных дня народ хочет забыть о невзгодах. Но не спрячешься от забот и грусти даже в пучине праздника. Может быть, поэтому самой популярной самбой одного из последних карнавалов стала «Тристеза» — «Печаль». И, помнится, поэтому весь город сочувственно аплодировал большой группе молодежи, которая несла плакаты: «Мы хотим учиться! Стране нужны врачи!» Это были юноши и девушки, которым не хватило мест в университете.

...До рассвета не стихает самба. А утром герои карнавала возвращаются в свои ветхие дома.

Слушайте девятую звуковую страницу журнала.

вы спрашиваете о Блоке...

«Мы должны быть ритмичными и верными музыке, потому что великая задача сегодняшнего дня — напоить и пронизать жизнь музыкой, сделать ее ритмичной, спаянной, острой».
А. Блок

На третьей звуковой странице стихи Александра Твардовского. Читает автор.

3

Спасибо, родина, за счастье
С тобою быть в пути своем.

А. Твардовский

Испанскому композитору сеньору Дону Луис де Пабло.

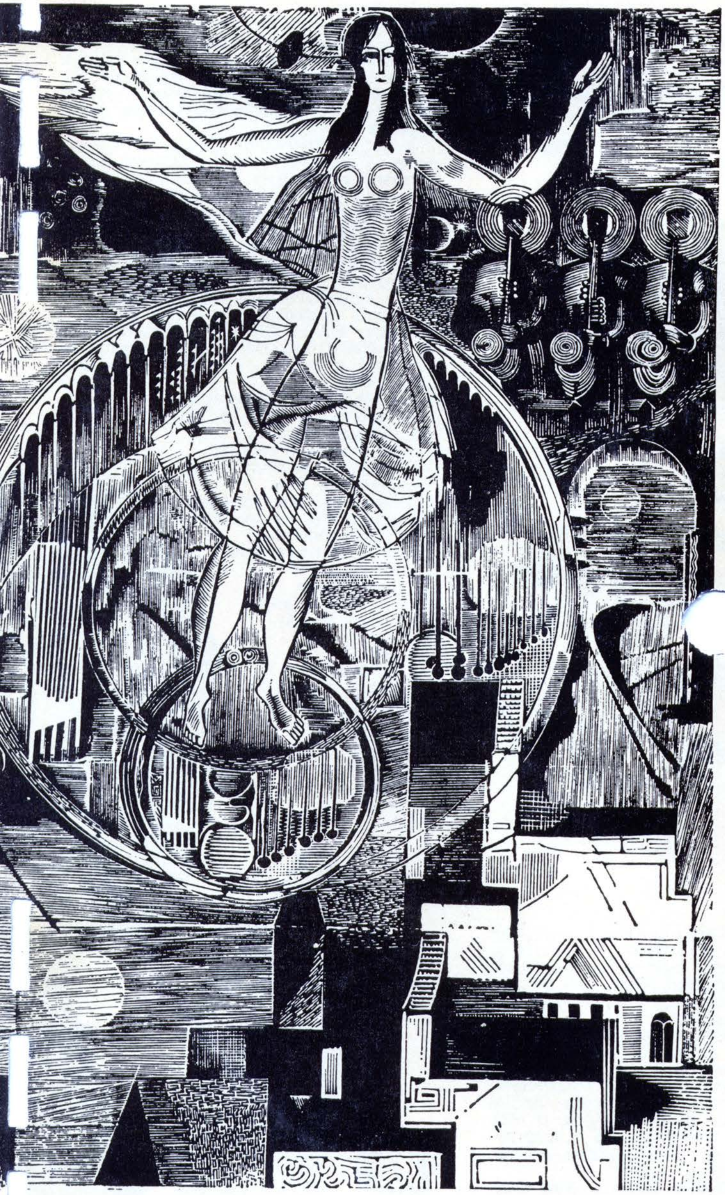
Париж.

Уважаемый сеньор! Из Вашего письма я узнал, что год назад вы прочли стихи Блока на итальянском, в переводе Анджело Мария Репелино, кажется. Стихи эти произвели на Вас большое впечатление, появилось желание работать над ними. И тут пришло известие, что ленинградец Сергей Слонимский написал кантату «Голос из хора», где использовал многие блоковские стихи. Вы захотели непременно познакомиться с этой партитурой, говорили о великой «музыкальности» стихов Блока и одновременно о невероятной сложности их воплощения в музыке. «Как сочинять музыку к Блоку?..»

Пожалуй, сошлюсь на пример Слонимского, и, может быть, это послужит ответом на Ваш вопрос.

В каждой работе Сергея Слонимского поражает запас энергии. Он молод, дерзок. Его мастерство покоится на прочном фундаменте глубокой русской интеллигентности. Поверьте, это не бахвальство, но у нас сейчас замечательная композиторская молодежь. С одной стороны, она не сдерживает себя в поисках, с другой — относится с уважением, далеко не деланным, к русским музыкальным традициям. У Слонимского оно выражается в любви к фольклору и истории России. Так он подошел и к стихам Блока. Для него Блок — поэт социальный прежде всего. «Блок более современен, чем многие ныне живущие поэты. Актуальность блоковских стихов стремительно нарастает», — говорит Слонимский.

И родилась музыка кантаты «Голос из хора». Естественно, я не собираюсь пересказывать кантату. Но вот есть у Блока романтическая драма «Роза и крест», замечательная именно музыкальностью. Среди главных действующих лиц — бродячий певец — трувер Гаэтан. Его песнь Слонимский сделал одним из кульминационных моментов

кантаты. На звуковой странице вы услышите стихи и музыку. Стихи, конечно, сугубо лирические. Во всяком случае, так их читал друг Блока, замечательный русский актер Василий Иванович Качалов. А поэт, обращаясь к Московскому Художественному театру, писал: «Гаэтан — не человек, призрак. Как бы чистый зов к Радости — Страданью. Он певец, сам не знающий, о чем поет...»

У Блока Радость—Страданье вечно сопутствующие состояния. Одно без другого невозможно. Одно другое дополняет, делает более ощутимым. «Сердцу закон непреложный Радость—Страданье одно...» Но именно Радость видит С. Слонимский своеобразным «пиком» песни Гаэтана. Радость бытия, радость творчества. Акценты расставлены абсолютно точно. И композитор убедил нас. Блок обрел новые черты.

...Потом был концерт в Большом зале Московской консерватории. Выступали вместе Вишневская, Ойстрах, Ростропович, композитор Вайнберг. Игрались впервые романсы Дмитрия Шостаковича на стихи Блока для сопрано и классического трио.

Шостакович был еще подростком, когда Блок ходил по заснеженным улицам Петербурга. Возможно, он слышал Блока в публичных чтениях. И, конечно, дома у него, как во многих наших семьях, томики Блока стояли на ближних полках. Вам знакома искренность Дмитрия Шостаковича, его рыцарская честность перед лицом музыки. Какое замечательное подтверждение всему его последнее сочинение! «В стихах Блока меня привлекла лиричность и глубокая музыкальность»,— высказывание сдержанное, как всегда у Шостаковича. Но слышу здесь другое. Он написал музыку не к Блоку, не для Блока, а потому, что есть в нашей жизни еще и радость перед фактом существования блоковской поэзии, удивление ее красотой. Нотная бумага этой радости не только не поглотила, но сделала ее почти физически ощутимой.

Я слышал романсы Шостаковича и не задумался о том, как это сделано. «Как», наверное, не волновало и Шостаковича. «Что сделано» волнует нас всех. Первое впечатление — музыка. Она написана удивительно просто и с той высокой чистотой, которая отличает каждого большого художника в вершинный период его пути. Поэт в музыке Шостаковича живет не в музыкальном переводе. Дух его творчества Шостаковичу близок и понятен. Затрудняюсь сказать, воплотил ли Шостакович время Блока или прочел его через призму своего трудного и славного опыта. Думаю, что родилась музыка, которой счастлив был бы Блок и восхищаемся мы.

Дальше прошу Вас обратиться к пластинке. Даже та небольшая часть музыки, что там поместилась, думается, скажет Вам очень многое.

С почтением Анатолий АГАМИРОВ

Гравюра Ю. Космынина.

P. S. В письме к матери Блок писал: «В наше время музыка и поэзия только ведут прямиком к сердцам. Музыка труднее. Но иногда она представляется мне столь же святой, как земля, трава, заря».

КРАТКАЯ РЕЧЬ В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ

Глубоко уважаемый мною читатель и слушатель нашего журнала, такого квадратного и с таким круглым названием!

Я вижу Ваши поднятые брови и выпяченную нижнюю губу. Очень легко ставлю себя на Ваше место, и мои брови и губа тянутся занять описанные выше позиции.

Действительно! Почему «кабачок», почему «тридцать три», почему «с половиной» и почему «оборота»???.. По-че-му?

Конечно, лучше всего было бы на все это ответить самым простым и убедительным манером: «ПОТОМУ!» — и дело с концом. Но это может повлечь дополнительные неприятности, и я вынужден отвечать со всею скучной обстоятельностью.

1. «КАБАЧОК...» Да. Слово у нас не слишком широко популярное. Есть в нем что-то переводческое... Куда естественнее было бы употребить простое и родное слово «САЛОН». Оно и привычно и без претензий... Ничего не поделаешь, есть в нас этакое желание пооригинальничать, есть!..

2. «...ТРИДЦАТЬ ТРИ...» Как сказать? Во-первых, счастливое число: прекрасно делится на три. Во-вторых, легко и красиво выговаривается. Да, кстати! Это число, говорят, чем-то связано с долгоиграющими пластинками, которые так мило отличают наш журнал от прочих.

3. «...С ПОЛОВИНОЙ...» Невероятно современно! Удивительно сближает науку с искусством! Имеется в виду почти точное число оборотов пластинки и неуловимый дух итальянского режиссера Феллини. (См. его фильм «8 с 1/2» и сообщите мне, где удалось посмотреть.)

4. «...ОБОРОТА» (См. пункт 3. Там это слово уже было.)

Итак, КАБАЧОК ТРИДЦАТЬ ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ОБОРОТА. И верните губу и брови в нормальное положение.

Наш КАБАЧОК предложит Вам самую новую эстрадную песню или джазовую пьесу в самом достойном исполнении, представит Вам гастролера, на концерт которого Вы не попали. Это уже довольно привлекательно, я считаю. Вот, в общем, и все, что я должен был сообщить в день открытия КАБАЧКА.

Глубоко уважающий
Вас

Зиновий ГЕРДТ

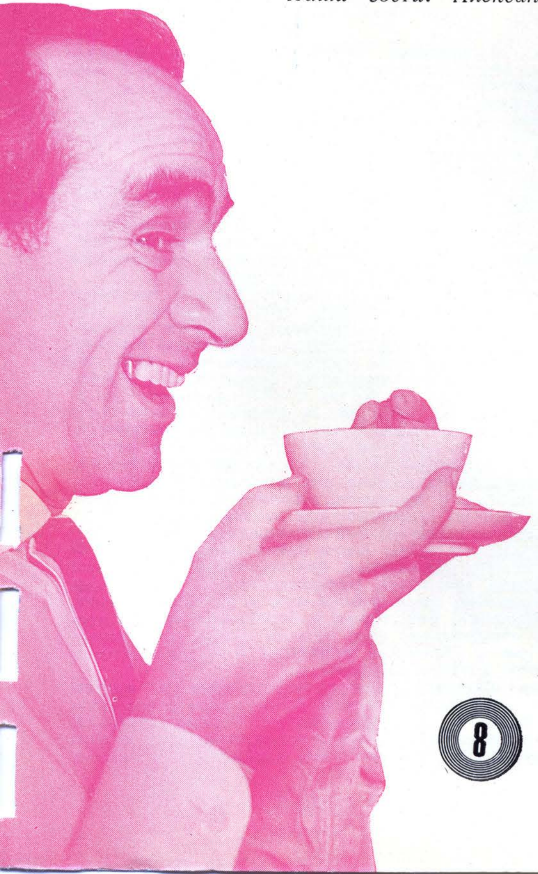

Наши гости: Александра Стрельченко, Алексей Зубов (слева), Мирей Матье.

Мама, палочки для счета можешь не покупать!

Опять забываешь открывать крышку рояля?!

Он уже может вполне отчетливо сказать на кларнете «мама»!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ОТМЕТИЛА ПРЕМИЯМИ «ДИСК — 6'30"» ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ 1967 ГОДА.

Бажан М., поэт. Цикл стихов (№ 3).

Блохинцев Д., ученый. Публицистический монолог «Производство познания» (№ 4).

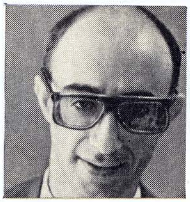
Караев К., композитор. «Неоконченная оратория». Публицистика (№ 10).

Межелайтис Э., поэт. Поэма «Фамильярный космос» (№ 2).

Ларионов А., журналист. Серия звуковых очерков (№№ 1, 6, 9, 12).

Агамиров А., критик. Музыкальные очерки (№№ 5, 9).

Мельников В., мастер спорта СССР. «Снежные крылья». Репортаж (№ 7).

Звенигород Любови Орловой

Город, в котором родилась Любовь Орлова, стоит по двум берегам Москвы-реки. В его названии слышится перезвон колоколов, ветер над лесом и музыка — Звенигород.

Дальше надо построить такую фразу: Звенигород, консерватория, балетная школа — это путь Орловой к экрану.

Мир киноискусства, комедии, в который по-настоящему вступила актриса в тридцатые годы, также был наполнен до краев музыкой. Тяга к творчеству была всеобщая. Широко улыбающийся пастух (в которого переодет уже знаменитый Леонид Утесов) сочинял на пастбище в окружении коров прекрасные песни Дунаевского.

Ласточки послушно и весело слагали на телеграфных проводах мелодию. «Ах ты, радость молодая, невозможная», — басили на Волге бородачи. Профессиональная певица и балерина Любовь Орлова представляла самодеятельные таланты своей героини — письмоносца Стрелки. По широкой Волге плыли листочки с «бесхозными» нотами. Задушевную «Песню о Волге», сочиненную Стрелкой, подхватывали на палубах белоснежных теплоходов, на прогулочных лодках, и к роялю подбегал вдохновенный мальчик-вундеркинд, аранжировавший, видите ли, мелодию Дунаевского — Стрелки... В лукавых, нарядных, торжественно приподнятых кинооде ждах шагала по экранам советская песенная музыка тридцатых годов.

И остались с нами жить прекрасные песни. И если чересчур удачливый, безоблачный путь иных киногероинь Орловой представляется из наших дней несколько приукрашенным и относительным, то великолепен, бесспорен и безотносителен к минувшим киномодам сам талант актрисы, проявленный ею в «Веселых ребятах» и «Волге-Волге», в «Светлом пути» и «Цирке».

Любовь Орлова — яркая кинозвезда в самом лучшем, профессиональном понимании этого слова. Красота и музыкальность, блеск, обаяние, юмор, готовность к эксцентриаде, гротеску и при этом никогда не исчезающий, способный в любую

минуту стать главным лиризм — вот радуга ее таланта. Основное амплуа Любови Орловой в кино — это Любовь Орлова, по-иному не определишь многие роли. Ведь недаром поется в песенке: «Орлова, Орлова играет эту роль».

А лучшая роль актрисы, на мой взгляд, — Марион Диксон в «Цирке». С каким обаянием, актерским вкусом, с какой душевной свободой передала нам Орлова свое представление о приме заморского цирка, об уверенной, знающей себе цену профессионалке и не ведающей справедливости женщине — белой матери негритенка.

Как бы далеко в прошлое ни уносило время от нас фильм, я всегда припомню морозный грустный вечер из «Цирка», промерзшие окна, огромную афишу прощального представления на фасаде, которую деловито, по лоскутам раздирают рабочие, и Орлову — Марион, простоволосую, белокурую, без нарядного черного парика, без обычной эксцентричности поющую свой «Лунный вальс».

Я всегда припомню прекрасную грезу — «Колыбельную», может быть, один из самых лиричных, светлых образов братства людей всех рас и национальностей. Эти кадры напомнят нам и имя актера Михоэлса, певшего когда-то в «Цирке» колыбельную негритенку, и имя поэта Д. Паттерсона, которого как раз и баюкал в тот вечер цирк...

Сегодня мы встречаем Любовь Петровну Орлову, народную артистку СССР, на сцене Театра имени Моссовета. Мы видели ее Лиззи Маккей, ее Нору — прекрасные, глубокие драматические роли. Но это уже иные страницы биографии...

Андрей ЗОРКИЙ

За кадром фильмов: после премьеры «Волги-Волги»; с Чарли Чаплином; с Пабло Пикассо.

МИХАЙЛОВСКОЕ.

Фото А. Гостева

Цена 1 руб.

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

На 1-й обложке фото Л. Лазарева.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и ГДРЗ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
Адрес редакции: Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции: В 3-73-94, В 3-74-59.

Б 04545. Подп. к печ. 19/XII 1967 г. Формат бум. $84 \times 108^1/_{16}$. Усл. печ. л. 1,68. Уч. изд. л. 1,4. Тираж 250 000 экз. Зак. 3527. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.